

ДОСТОВЕРНОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО ФАКТА, ИЛИ КАК ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

Статья посвящена междисциплинарному исследованию процесса верификации журналистского факта и его встраивания в объективную реальность. Для этого предпринята попытка собственного определения факта в журналистике. На основе контент-анализа выявлены типы фактов, наиболее распространенные в современном новостном медиадискурсе. Определены несколько этапов и условий проверки фактической информации. На конкретном примере рассмотрен процесс внедрения журналистского факта в социальную реальность.

Ключевые слова: журналистский факт; медиафакт; медиасобытие; документальный факт; верификация.

Сегодня западные теоретики предлагают просто верить слову конкретного журналиста. «Объективность — журналистская ценность прошлой эры. В цифровую эру ее место занимает транспарентность. Новостные организации должны быть транспарентными, читатели должны видеть и знать журналистов, контактировать с ними», — пишет профессор Школы журналистики Университета Техаса Розенталь Алвес [8]. На деле же увлекательная игра в «открытую» редакцию является не более чем трюком для удержания аудитории, создания лояльной группы или даже фан-клуба читателей, для которых данное СМИ будет истиной в последней инстанции.

Факт традиционно считается «основой основ» журналистского произведения. Более конкретным и емким представляется определение факта в журналистике, данное Л. А. Поелуевой: «...достоверное отражение фрагмента реальности, обладающее социальной репрезентативностью» [18, 23].

Объективность понимается в журналистике как атрибут факта, его качество и может быть выражена только через него. В свою очередь, понятие «объективность» в журналистике очень тесно связано с понятием «документальность». Это некая независимая от журналиста фиксированность факта, гарант его объективности. При создании любого произведения журналист опирается на документальные факты — зафиксированные события, «бытие которых может быть непосредственно проверено или удостоверено дополнительными доказательствами или свидетельствами» [22, 227].

Верифицируемость документального факта в журналистике относительна. Маркером его «реальности» является указание в материале того, где и когда произошло описываемое событие (обозначение категорий пространства и времени), а также его участников. Это позволяет на практике проверить правдивость сведений, которые приводит журналист. Иными словами, истинность, именуемая

фактом, предполагает возможность сопоставить утверждение с действительностью, т. е. свершившимися событиями или актуальным положением дел.

Факт не существует вне познавательной деятельности человека. Содержанием факта в журналистике является соотнесение профессионального интереса журналиста и объективной реальности, а формой — его выражение в определенной знаковой системе или даже нескольких системах (в случае креализованных текстов). При этом главную роль всегда будет играть вербальная составляющая, так как именно она дает ключ к дешифровке послания журналиста.

Процесс номинации информации о реальности основан на ментальных алгоритмах, обеспечивающих распознавание старых и конструирование новых смыслов. В качестве такого алгоритма выступает образ, который можно представить как «квант смысловой информации». Компиляцией образов в журналистском материале является квантование информационного сигнала: «В журналистском факте реализуется энергия квантового перехода: образа-сигнала в образ-модель, образ-концентрат, образ-факт, образ-понятие, образ-тезис» [12, 95].

Как отмечает В. Д. Мансурова, «...процесс интериоризации реальности коммуникационной системой журналистики представляет собой рекурсию — создание копий заданных базовых алгоритмов. <...> В журналистике, базирующейся на особом способе реализации социального познания — интерпретации, рекурсивным преобразователем может быть личность журналиста» [13, 102–103].

Создатель медиатекста наполняет медиасобытие и факт, лежащий в его основе, своим ощущением времени и пространства, иными словами — определяет его хронотоп [2]. Медийный факт нельзя воспринимать как документальное свидетельство (он и не должен быть таковым) о событии реальном: это модель действительности, полученная в процессе творческой деятельности журналиста [9].

Собственно факт, в отличие от реальности, является дискретной единицей, обладающей определенными границами, которые задаются требованиями достоверности, возможности верификации и полноты информации. Документальным фактом в журналистике, по сути, является достоверное (верифицируемое) высказывание о событии реальности. Мысль о том, что структура высказывания повторяет структуру ситуации, подробно развивает А. Е. Кибрик. По его мнению, структура внеязыковой ситуации отражается в пропозиции, состоящей из предиката (события) и его аргументов (партиципантов) [7, 198–199]. «Среди аргументов выделяются актанты — обязательные участники данного события, и сирконстанты — факультативные участники события» [Там же]. Основанием для их различия является минимальная функционально-смысловая завершенность изложения факта.

Такой подход позволяет определить минимальный набор сведений, входящих в структуру документального факта, в соответствии со структурой события. Если же говорить о факте, несводимом к одной пропозиции (которая считается идеалом выражения факта в филологии [1, 161]), то исследователи формулируют целый комплекс требований к созданию максимальной полноты описания события: «1. Точно передать сущность события... 2. Передать внутренние отношения между компонентами одного события... 3. Передать тип отношения между

событиями» [15, 202–203]. Подобный взгляд имеет междисциплинарный характер и уже нашел отражение в исследованиях медиатекстов [4].

«Тексты, относящиеся к информационным жанрам, в количественном отношении составляют основную часть массовых информационных потоков», — отмечал в начале 2000-х гг. А. А. Тертычный [21, 65]. Эта тенденция сохраняется и спустя без малого два десятка лет. Произведения информационных жанров призваны отражать «голые» документальные факты путем простого ответа на вопросы: «Кто?», «Что?», «Где?» и «Когда?», которые являются указанием на субъекта, объект, время и место действия. Таким образом, документальный факт можно рассматривать как совокупность деталей того или иного события действительности.

Обобщая вышесказанное, документальный факт в журналистике можно определить как достоверное отражение фрагмента реальности, обладающее социальной значимостью, выраженное путем передачи его основных деталей в одной или нескольких знаковых системах, главной из которых будет являться естественный язык.

Тенденция к максимальной конкретизации типов событий [5, 6, 10] в новостном медиадискурсе позволяет говорить о различных видах документальных фактов, каждый из которых можно описать через *функциональную заданность* вопросов, на которые отвечает журналист, излагая их в материале. Так, по результатам контент-анализа 300 материалов информационных агентств «РИА Новости», «ТАСС» и «Интерфакс», опубликованных в период с 1 января по 30 июня 2017 г., был составлен перечень наиболее распространенных в журналистике документальных фактов.

Факт-действие (243) — фиксация действия субъекта по отношению к объекту (действия органов власти, общественных, коммерческих структур, а также природные явления и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?», «Где?», «Когда?», «Кем/чем?» (объект).

Факт-мероприятие (226) — фиксация действия одного или нескольких субъектов (заседания, форумы, концерты, праздники и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?», «Где?», «Когда?».

Факт-высказывание (187) — фиксация выступления субъекта (высказывания медиаперсон, политиков, артистов и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?».

Факт-решение (165) — фиксация действия одного или нескольких субъектов, затрагивающего интересы группы людей или отдельного индивида (законы, постановления органов власти, судебные решения и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?».

Факт-происшествие (142) — фиксация действия субъекта, однозначно имеющего негативные последствия для некоего объекта (теракты, катастрофы, массовые беспорядки, боевые действия, правонарушения и т. п.). Отражается через ответы на вопросы: «Кто?», «Что?», «Где?», «Когда?» «Кем/чем?» (объект).

Факт-констатация (108) — фиксация изменения положения дел реальности (биржевые колебания, статистика, опросы, справочные данные и т. п.). Отражается через ответ на вопрос: «Что?», «Кто?», «Когда?».

Все эти типы фактов сложились в новостном медиадискурсе конвенционально. Данный перечень является открытым и не претендует на исчерпывающую полноту и точность, тем более что в одном тексте могут пересекаться сразу несколько видов фактов.

Исследование продемонстрировало, что практически все виды документальных фактов, за исключением факта-констатации, отражают действия субъекта, цель которого можно четко определить. В факте-констатации особое внимание уделяется временному компоненту, а локализация остается размытой или неопределенной: «Рынок акций РФ открылся в среду разнополярной динамикой рублевых цен blue chips <...> индексы ММВБ и РТС за минуту торгов просели <...> К 10:01 МСК индекс ММВБ составил...» [20]. Таким образом, событие, отраженное в факте, растворяется в пространстве темпоральной реальности. Отчасти это можно объяснить тем, что речь идет о виртуальной структуре, не имеющей пространственных координат.

Вне объективного времени и пространства существует большинство (123 из 187) фактов-высказываний и фактов-решений. «Сообщения о том, что показанные президентом РФ Владимиром Путиным режиссеру Оливеру Стоуну видеокдры операции в Сирии были ошибочными, не соответствуют действительности. Об этом заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков» [17]. Журналистский факт в данном случае встраивается в искусственно созданный пространственно-временной континуум, где все сказанное актуально, происходит «здесь и сейчас» (или в момент публикации). Подобные факты поддерживаются энергией соседствующих фактов и сообщений, а также энергией коммуникатора, усиленной технологичностью канала распространения.

Эту особенность фактов-высказываний и фактов-решений можно объяснить стремлением журналистики, как любой сложной самоорганизующейся системы, обрести стабильное состояние. В условиях постоянного гомеостатического сопротивления энергия отдельных фактов, вызывающих ее флуктуации, рассеивается с предельной скоростью. Журналисту важно не упустить момент, вследствие чего в геометрической прогрессии растет количество публикаций, основанных на комментариях события, комментариях этих комментариев. Указание координат говорящего во времени и пространстве усекается как излишнее ввиду глобального контекста либо как вредное, постулирующее нерасторопность и некомпетентность автора.

В наиболее расширенной форме отражаются факты-происшествия и факты-действия, связанные с действиями субъектов, которые напрямую или косвенно влияют на объекты: «Самолет компании “Аэрофлот”, летевший из Москвы в Бангкок, попал в зону сильной турбулентности, в результате пострадали 27 человек, 24 из них — россияне, сообщил РИА Новости в понедельник заведующий консульским отделом посольства России в Таиланде Владимир Соснов» [16]; «Независимый профсоюз горняков Украины города Червоноград (Львовская область) объявил о приостановке с 9 марта отгрузки угля со всех своих шахт. Об этом сообщил глава Конфедерации свободных профсоюзов Украины Михаил Вольнец в Facebook» [11]. По сути, эти два вида фактов различаются модусом

действия, имеющего или не имеющего негативные последствия для некоторого объекта, который в большинстве случаев (94 из 142) указывается в тексте.

Именно отсутствием этого объекта отличается факт-мероприятие. Объект присутствует имплицитно, целью действия является не воздействие на некий объект, а достижение высшей ценности — катарсиса, апелляции к чувствам патриотизма, справедливости, пониманию добра и красоты. «Британская группа Black Sabbath завершает концертную деятельность. Сегодня в родном для музыкантов Бирмингеме состоялся последний концерт коллектива в рамках прощального тура The End. Выступление прошло на Genting Arena...» [3].

В этих условиях возникает проблема установления достоверности документального факта. Факты невозможно верифицировать, не выходя за границы текста. Обращением к другим медиатекстам эту проблему тоже не решить. Интерпретация факта может быть столь изоощренной, что точность и правдивость деталей не позволяют заметить случайного или намеренного искажения сути проблем. Но означает ли это, что факты перестали быть «упрямой вещью»?

Мысль, изреченная с экрана телевизора, из радиоприемника или напечатанная в газете, обладает презумпцией достоверности. Она устанавливается путем поэтапной проверки, обусловленной гомеостатическим равновесием коммуникационной системы. От силы энергетического заряда самого факта и мощности канала распространения будет зависеть скорость его верификации и даже встраивания в объективную реальность.

Условием второго порядка, но не менее важным, будет являться состояние системы в момент публикации — статичное или находящееся в процессе трансформации, а также способность факта к самовоспроизводству. Последнюю характеристику можно интерпретировать как способность факта вызывать новые информационные волны, стимулируемые внешними или внутрисистемными раздражителями — комментариями, обнародованием дополнительных сведений, касающихся основной информации.

В целом можно выделить следующие этапы верификации журналистского факта:

1. Гносеологический — основывается на способах познания реальности журналистом:

а) факт проходит проверку на основе стандартных методов и приемов работы журналиста: автор обращается к нескольким источникам информации, соблюдает законы логики, следует здравому смыслу и т. п. Немаловажными являются ценностные установки журналиста;

б) корректировка интерпретации факта с точки зрения информационной политики редакции: факт проходит более жесткую проверку благодаря пристрастной экспертной оценке;

2. Конвенциональный — включает идейные, социальные и психоэмоциональные компоненты верификации факта: насколько он адекватен тезаурусу предполагаемой аудитории:

а) участвуют профессиональные коммуникаторы: пристрастную проверку факта осуществляют коллеги-журналисты, работники пресс-служб, эксперты, чиновники и т. д.;

б) самую важную и окончательную фазу верификации факта осуществляет целевая или массовая аудитория: откликаясь комментариями, лайками в Сети, отзывами, равнодушием или... активизацией ревизии журналистской интерпретации факта.

Это один из самых драматичных этапов бытования факта в дискурсе СМИ. Установление достоверности/недостоверности верифицируемого факта должно сопровождаться встречным потоком фактов, обладающих равносильной энергией доказательности. В противном случае интенсивный информационный поток грозит ввергнуть коммуникативную систему в хаос, не рефлекслируемый аудиторией. Он снимет вопрос о достоверности факта и наполнит его дополнительной дисфункциональной энергией, достаточной не только для искажения реальности, представленной журналистом, но и негативного воздействия на объективную действительность.

В частности, по такому сценарию развивались события после обнародования результатов расследования «Новой газетой» феномена «групп смерти» в социальных сетях [14]. Основываясь на данных поисковой системы «Яндекс-Новости», можно установить то, как время «жизни» факта об активизации «суицидальных пабликов», которые, по убеждению автора публикации, являются причиной массовых самоубийств подростков, провоцирует развитие эффектов коммуникации.

На первом этапе — с 16 мая по 10 июня 2016 г. — происходит внедрение журналистского факта о феномене «групп смерти» в объективную реальность. Первый пик наибольшего количества откликов по теме (74) зафиксирован через два дня после обнародования результатов расследования. В это время публикуется множество опровержений выводов, сделанных журналистом «Новой газеты». Из них самыми заметными стали подробные разборы публикации на порталах www.meduza.io [19] и www.paperrpaper.ru [23].

Конструктивные отклики тонут в пучине информационного хаоса: публикуются упреки, связанные с нарушением профессиональной этики при подготовке материала (200), заявления о необходимости ввести уголовную ответственность для создателей «суицидальных пабликов» (192). Консолидацией откликов становятся сообщения о внесении в Госдуму законопроекта, предусматривающего тюремный срок за склонение к суициду.

На втором этапе — после короткого перерыва — в отечественных СМИ вновь начинают появляться сообщения о жертвах «групп смерти» в различных регионах России и даже за рубежом. Вплоть до сегодняшнего дня (1.07.2017) практически еженедельно подобные материалы публикуются в различных СМИ. Наибольшие информационные всплески наблюдались в ноябре — декабре 2016 г. (2178), феврале — апреле (9711), а также июне (1360) 2017 г. Они были связаны соответственно с задержанием руководителя одной из «групп смерти»; заявлениями о том, что с «опасными пабликами» связаны украинские националисты; введением уголовного наказания за склонение подростков к самоубийству. Каждый раз «ядерный» инфоповод вызывал волну публикаций, содержащих новые факты участия подростков, покончивших с жизнью, в «группах смерти», и предложения общественных деятелей и чиновников по борьбе с опасным влиянием и т. п.

Можно констатировать: журналистский факт о том, что «суицидальные паблики» являются причиной массовых самоубийств подростков, оказал масштабное влияние на социальную систему. Благодаря поддержке большинства профессиональных коммуникаторов, а затем и аудитории, он стал неоспоримым фактом объективной действительности. А вслед за этим все факты, изложенные в материале, также получили признание как действительные.

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999. 896 с.
2. *Витвинчук В. В.* Конструирование медиасобытия: специфика социального хронотопа // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2013. № 2(22). С. 104–110.
3. Группа Black Sabbath дала последний концерт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/culture/548501> (дата обращения: 16.06.2017).
4. *Демьянков В. З.* Семиотика событийности в СМИ // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под. ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 71–85.
5. *Доценко М. Ю.* Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 243 с.
6. *Дускаева Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. 247 с.
7. *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М., 1992. 336 с.
8. *Киришин Б.* Транспарентность вместо объективности? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru-j.ru/2011/110805-1.htm> (дата обращения: 05.06.2017).
9. *Кожанова В. Ю.* Рецептивный аспект создания медиатекста // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 42–46.
10. *Лазутина Г. В., Распопова С. С.* Новостная журналистика в свете предметно-функционального подхода к дифференциации жанров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2008. № 5. С. 82–98.
11. «Львовуголь» остановил отгрузку угля в условиях блокады поставок с Донбасса [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4077397> (дата обращения: 20.06.2017).
12. *Мансурова В. Д.* Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002. 237 с.
13. *Мансурова В. Д.* «Медийный» человек российской провинции: динамика социального взаимодействия. Барнаул, 2011. 207 с.
14. *Мурсалиева Г.* Группы смерти (18+) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 10.06.2017).
15. *Николаева Т. М.* «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М., 1980. С. 198–210.
16. Пассажиры рейса Москва — Бангкок пострадали из-за турбулентности [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/incidents/20170501/1493422359.html> (дата обращения: 28.06.2017).
17. Песков опроверг сообщения об ошибке в показанных Путиным Стоуну кадрах операции в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/4354804> (дата обращения: 21.06.2017).
18. *Поелуева Л. А.* Массовая информация в культурной парадигме переходного периода : дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2005. 305 с.
19. Пять главных вопросов к материалу «Новой газеты» о подростковых суицидах [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/05/17/pyat-glavnyh-voprosov-k-materialu-novoy-gazety-o-podrostkovyh-suicidakh> (дата обращения: 19.06.2017).
20. Рынок акций РФ открылся снижением индексов ММВБ и РТС на 0,1–0,2 % [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/551816> (дата обращения: 20.06.2017).
21. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. 310 с.

22. Ученова В. В. Три грани теории журналистики: гносеологические проблемы публицистики. Публицистика и политика. У истоков публицистики : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2009. 557 с.

23. Шаргородская А. «Очень плохой, непрофессиональный текст»: что происходит вокруг статьи о «группах смерти» [Электронный ресурс]. URL: <http://paperpaper.ru/novaya-gaseta/> (дата обращения: 19.06.2017).

Статья поступила в редакцию 06.10.2017 г.

УДК 070.11:378 + 374.7 + 070.2

И. А. Фатеева

ОТ ШКОЛЫ ЖУРНАЛИСТОВ ПРИ РОСТА К МОСКОВСКОМУ ИНСТИТУТУ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье анализируется процесс транзита Школы журналистов при Российском телеграфном агентстве (проект внеформального профессионального медиаобразования) в полноценное высшее учебное заведение (учреждение формального журналистского образования). Основным источником исследования являются архивные документы Наркомата просвещения за 1920 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистское образование; Школа журналистов при Российском телеграфном агентстве; Московский институт журналистики; газетоведение.

«Обслуживающий» характер работы информагентств, определенный группой авторитетных ученых [2, 17] в качестве универсального свойства данных информационных предприятий, применительно к российской истории может быть продемонстрирован совершенно неожиданным образом: агентства, как оказалось, могут брать на себя функции даже по обеспечению необходимого уровня профессиональной компетентности работников основных средств массовой информации. Так, в нашей стране именно информационное агентство стало «пионером» в деле организации обучения ремеслу журналистов, выступив инициатором курсовой формы подготовки специалистов для советской системы прессы. Речь идет о Российском телеграфном агентстве (РОСТА), созданном 7 сентября 1918 г. по постановлению Президиума ВЦИК и до 1925 г. (дата образования ТАСС) являвшемся центральным информационным органом РСФСР и СССР.

С одной стороны, это хорошо известный факт. О том, что первый институт журналистики в стране был создан в 1921 г. именно на базе действовавших несколько лет московских курсов РОСТА, писали в разное время мемуаристы [3, 165–166] и такие исследователи журналистского образования, как В. З. Привалов [6], В. П. Таловов [10], Л. Г. Свитич и А. А. Ширяева [7], И. А. Фатеева [12],

ФАТЕЕВА Ирина Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры медиаобразования Московского педагогического государственного университета (e-mail: fateevafia@gmail.com).

© Фатеева И. А., 2018